

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-673-681

СИМПАТИИ К БАРИНУ В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

SYMPATHY FOR BARIN IN RUSSIAN HOUSEHOLD TALES

В.А. Шаповалов

V.A. Schapovalov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о симпатиях к помещику в русских бытовых сказках. Традиционно отмечается, что помещик в сказках является антагонистом мужика, сочетая в себе жестокость, жадность, праздность и неприспособленность к жизни. Это и отражает доминирующие воззрения крестьян на барскую власть. Но социальные отношения в русской деревне, включая и крепостной период, были значительно многоплановее и имели несколько векторов развития, что и нашло отражение в фольклоре, в частности, в сказках. Наиболее отчетливо данный аспект проявлялся на межличностном уровне, в моральной плоскости добра и зла. Обусловлено это было тем, что помещики были различного уровня достатка, образованности, моральных принципов и набожности. Отсюда и спектр отношений бар к крепостным крестьянам был различным: от бесчеловечной жестокости до «отеческой» добродетели. Были и такие помещики, пусть и в незначительном количестве, которые для своих крестьян являлись истинными благодетелями. Это и не могло не вызывать у последних симпатий к первым. Что, в свою очередь, находило отражение в фольклоре. Анализ в бытовых сказках крестьянских симпатий к барской власти помогает расширить и акцентировать представления о характере взаимоотношений в русской деревне.

Abstract

The article reveals the degree and character of the positive barin's image in Russian vernacular tales. It is usually argued that a landlord as pictured in the vernacular tales is an antagonist of a peasant combining greed, stupidity, idleness and rigidity. One can hardly question this argument knowing the dominant behavior stereotypes of Russian landlords, for most of whom the peasants were basically animated objects. However, the social relations in the Russian village were more complex and multilayered, and it is also reflected in folklore, including vernacular tales. The landed gentry had different incomes, while their education, worldview and religiosity also varied. Therefore, barins' attitude towards their serfs differed as well: from inhuman cruelty to «paternal» virtue determined by the awareness that their prosperity depended on the well-being and loyalty of their serfs. Although rarely, there were also some barins who were sincere benefactors of their serfs. One can reveal this variety of attitudes in the vernacular tales. The positive moral characteristics of the gentry might be intertwined with the abovementioned negative ones. This highlights the complexity of perception of barin's power by peasants. Thus, the vernacular tales is an important historical source to study the barin-muzhik relations in the Russian village, especially its socio-psychological aspect.

Ключевые слова: бытовая сказка, симпатии, русская деревня, барин, мужик.
Keywords: vernacular tale, barin, muzhik (peasant man), folklore, Russian village.

Традиционно считается, что в русских бытовых сказках барин является исключительно отрицательным персонажем, постоянно одураченным своим крестьянином, батраком. В свое время в этой связи Ю.М. Соколов указывал: «Отношения мужика и барина почти без всякого исключения в сказках резко отрицательное, доходящее до глубокой ненависти и враждебности» (Соколов, 2007, с. 412). В то же время автор оговаривается введением наречения «почти», оставляя возможность другого типа отношений барина и мужика в бытовых сказках. В.Я. Пропп поддержал выводы Ю.М. Соколова: «Сказка занимает только один вид социальной борьбы и социальной сатиры: барин и поп всегда оказываются одураченными своим хитрым батраком... Хитрость и обман есть орудие слабого против сильного, и это соответствует моральным требованиям слушателя (Пропп, 1976, с. 100–101). Отрицательный образ помещика в русских сказках характерен и для суждений других видных специалистов по фольклору – В.И. Чичерова, Д.М. Молдавского, В.П. Аникина, Е.А. Костюхина (Чичеров, 1959, с. 302–308; Молдавский, 1979, с. 5–23; Аникин, 2004, с. 480; Костюхин, 2004, с. 128–138). В данный подход хорошо укладываются и концепции трикстериады. Е.С. Новик подчеркивает: «... в трюковых сюжетах существуют два центра, два субъекта – трикстер и антагонист, которые к тому же меняются местами в текстах, построенных по схеме «трюк – контртрюк» (Новик, 1993, с. 143). Эти утверждения имеют под собой все основания, так как в подавляющем большинстве бытовых сказок барин показывается воплощением жестокости, грубости, жадности, глупости, праздности, неспособности к полезному труду, за который он берется из зависти или непонимания самой его сути.

Принимая вышеприведенные утверждения, мы должны согласиться с тем, что в русской деревне крепостной эпохи социальный антагонизм, включая социопсихологическую непримиримость, был единственным вектором в системе взаимоотношений помещика с крестьянами и дворовыми. В реальности все было намного сложнее, противоречивее, что и нашло отражение в небольшом количестве бытовых сказок, где к помещику явно проявляются симпатии. В тоже время нельзя забывать, что эстетика реализма в бытовых сказках сводится к стремлению передать типические характеры в типических обстоятельствах (Пропп, 2000, с. 287–288). Тем не менее бытовая сказка – это необыкновенные, неслыханные истории. Но типические характеры и типические обстоятельства в бытовых сказках должны отражать нравственные императивы их создателей, обусловленных, в свою очередь, сословным традиционализмом. Социопсихологическую специфику в крепостной деревне в контексте рассматриваемой проблемы хорошо охарактеризовали М.А. Полякова и Е.Н. Савинова: «Рассуждая о правах прошлого, мы говорим о них как о факторе провинциальной усадебной культуры. Для русского помещика конца XVIII – начала XIX века во владении крепостными не было ничего безнравственного. Он жил так, как было заведено предками, не задумываясь о том, что можно жить как-то иначе. Его крепостные также не представляли себе другого уклада, свыклись с ним, искали в нем возможность выгоды» (Полякова, Савинова, 2011, с. 39–40). То есть для барских крестьян был характерен традиционалистский подход: «Так жили наши деды и отцы, так и нам жить».

Источники крепостной эпохи указывают, что среди помещиков в подавляющей их части, особо не отличавшихся добродетелью к крестьянам, существовал узкий круг бар, считавшихся добрыми по отношению к своей «двуногой крещенной собственности». Такие свидетельства сохранились как со стороны крестьян, так и помещиков. Подтверждают наличие симпатий в адрес помещика и отдельные материалы малых форм фольклора – поговорок и пословиц. В частности, «На Руси дворянин, кто за многих один (Сборник пословиц, 1882, с. 113), «Из доброго помещика – дух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – кисельная сытость», «Барская милость – Божья роса», «Вольному просторней, барскому спокойней», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский ра-

зум да не мужицкая простота – все бы пропали», «Кабы не паньски розумъ, а не наша хитрасць – пропали бь» (Иллюстров, 1904, с. 90–91).

Воспоминания крепостных крестьян и дворовых дошли до нас в единичных форматах, что и не удивительно, исходя из общего уровня их грамотности. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева» в плане социальных отношений помещиков и крестьян мало информативны, а раздел «Окружающие помещики, крупные землевладельцы и их управляющие» относится в своей основе к пореформенному периоду и содержит, в первую очередь, сведения хозяйственного плана без особого эмоционального окраса (Русские крестьяне, Т. 1, 2004, с. 279; Русские крестьяне, Т. 2, ч. 1, 2006, с. 182, 575; Русские крестьяне, Т. 2, ч. 2, 2006, с. 63, 64, 299). В воспоминаниях крестьян и дворовых, выбившихся в своё время «в люди», особо акцентируется внимание на патерналистской модели отношений бар, представителей вотчинной администрации, со своими «крепостными детушками», показывая, как в трудные времена им удалось выжить благодаря барской милости (Травин, 2006, с. 32). Особо ценилось последними не нарушение помещиками их личного пространства, в частности «...избегание ухаживания за своими крепостными женщинами, между которыми были и красавицы» (Хруцова, 2006, с. 105), поддержание среднего достатка собственных крестьянских хозяйств (Пурлевский, 2006, с. 108–109). Помещичья забота о своих крестьянах не обязательно предусматривала внимание к личностным переживаниям, запросам последних. Но это и не стояло на первом месте у крестьян в перечне помещичьих добродетелей. Они осознавали сословную и социопсихологическую пропасть между бариним и собой. Тем не менее уже и после отмены крепостного права есть свидетельства крестьян о сожалении у части бывших крепостных на отсутствие обязательства у помещиков помогать им в чрезвычайных жизненных ситуациях и голодные годы. «Даже после реформы 19 февраля 1861 г. в отдельных селениях крестьяне вспоминали крепостное право добрым словом: “Что ж это за жизнь, – говорили, – хуже барщины! При господах, бывало, плохо-плохо, а случится какая беда – идешь к барину, и он тебе поможет, потому ты ему нужен. А теперь куда идти? Кому мы нужны?”» (Семенов, 1902, с. 22).

Барское и крестьянское понимание сущности добра и зла, справедливости было различным, особенно отчетливо это проявлялось в эпоху крепостничества. Но и у тех, и других это понимание во многом имело прагматичную основу. Отдельные помещики резко отличались «добродетельным» отношением к своим крепостным крестьянам. Причины у каждого из них на это были разные, но в первую очередь они были связаны с моральными и хозяйственными принципами. Так, елецкий помещик из Орловской губернии в своем дневнике в разделе «1 сентября 1846 г. – 1 сентября 1847 г.» записал: «С подвластными и подчиненными не нужно быть строгим, нужно быть только справедливым. Держась этого правила, я в короткое время достиг того, что мои люди служили мне исправнее, чем самим строгим господам. Я заботился о выгодах моих крепостных не менее, чем о своих собственных, чтобы они были сыты и одеты не только тепло и прилично, но даже щеголевато, обращался с ними ласково, за всякую хорошо исполненную работу и услугу говорил спасибо; помогал в нуждах, не обращал внимание на мелочные ошибки и шалости, за каждый значительный поступок строго взыскивал. Мои люди вовсе не боятся меня, как обыкновенно боятся господ, но ведут себя хорошо и исполняют мои приказания удовлетворительно...» (Пушечников, 1905, с. 551–552). Есть примеры, когда крестьяне из деревень, выставленных на продажу, просили доброго помещика купить её, предлагая ему недостающие деньги. Конкретный пример из Орловской губернии начала XIX в.: «Продавалась деревня Ретюн, смежная с Долбиным. Выборные из Ретюни пришли к Василию Ивановичу: «Батюшка, купи нас, хотим быть твоими, а не иных чьих, каких». «Братцы, – сказал им Киреевский, – увеличивать свои поместья я не желаю, а сделать это в удовольствие вам не могу: у меня нет столько наличных денег». Через несколько дней Ретюнские выборные пришли опять: «Добрый барин, возьми нас в свои, а денег тебе не достает, мы внесем тебе своих. Хотим быть твоими». Василий Иванович купил Ретюн. По вводе во владение пригласили его к себе с молодой барынею на угощение и сделали великолепное...» (Петерсон, 1877, с. 480). Справедливо и

со знанием сути проблемы отмечает известный общественный деятель 50–70-х гг. XIX в. славянофил А.И. Кошелев: «Добрый помещик есть счастливый случай, редкое исключение из общего правила, огромное же большинство владельцев, конечно, не таково, чтобы выгодно или приятно было находиться под их управлением...» (Кошелев, 2002, с. 223).

Симпатии к помещику у определенной части крепостных крестьян и дворовых не могли не найти отражение в таком социально опосредованном фольклорном жанре, как бытовая сказка. Здесь уместно вспомнить высказывание В.И. Ленина: «Во всякой сказке есть элементы действительности...» (Ленин, 1974, Т. 3., с. 19). Именно элементы действительности в бытовых сказках являются важной основой, превращающей сказочную прозу в исторический источник, в первую очередь социопсихологического плана. Различная социальная тональность бытовых сказок про барина и мужика подчеркивает неоднозначное отношение создателей данных сказок к институту помещичьей власти. Тем не менее сказки, пусть и бытовые, все же остаются сказками, где «действительность нарочито выворочена наизнанку, и в этом вся их прелесть для народа» (Пропп, 1976, с. 87). В рассматриваемом контексте весьма важным является утверждение Б.Н. Путилова: «Фольклор как память традиции и одновременно как актуальное действо не позволяет применить к нему односторонних оценок. Его специфическая сила именно в многообразии, противоречивости, наличии взаимоисключающих тенденций» (Путилов, 2003, с. 68) и «...ни социальная принадлежность, ни идеологическая направленность фольклорной культуры не выступают в качестве некой однозначной постоянной и не должна, как это имело место до сих пор в нашей «установочной» литературе, входить в определение её сущности. Мы имеем дело с явлением сложным, разнонаправленным, связанным так или иначе со всей совокупностью отношений в обществе» (Путилов, 2003, с. 64).

Перед непосредственным переходом к рассмотрению указанных сказок необходимо кратко остановиться на понятии симпатия. Симпатия в переводе с древнегреческого обозначает сочувствие, расположение, влечение (Брокгауз-Ефрон, 1909, Т. 2., Вып. 4, с. 1459; Ожегов, 1999, с. 716). Чувство симпатии всегда эмоционально окрашено, а следовательно, имеет переменчивую природу и может фокусироваться как в целом на объекте, так и на определенных критериях объекта. Эта пограничность чувства симпатии важна в контексте исследуемого вопроса.

Из чуть более 100 бытовых сказок (с вариациями) о мужике и барине автору известны всего 4 сказки, где помещику симпатизируют сочинители. И это вполне объяснимо, исходя из редких «счастливых случаев» реально существовавших помещиков, чей стиль управления именем и обращением с крестьянами последние считали добрым и справедливым.

Сказка «Жил-был бедный мужик» (Афан., № 499) относится к циклу сказок о ловких и удачливых отгадчиках. Но в данной сказке появляется новый социальный мотив – помещик принимает сторону бедного мужика, а не богатого. В указанной сказке барин предлагает бедному мужику разделить жареного гуся, которого он принес барину, между членами своей семьи, при этом никого не обидеть. Мужичок, применив смекалку, справляется с этим заданием, за что был щедро награжден. Богатый мужик, узнав про барские щедроты, пытается при аналогичном задании проявить находчивость, но ничего у него не выходит. После чего барин его прогоняет, хотя богатый мужик преподнес пять жареных гусей. В этой сказке помещик выступает в качестве справедливого и щедрого поместного дворянина, и именно это вызывает к нему симпатию. Хотя о других его качествах ничего не известно. Данный сюжет, хотя и построен на основе трюка ловкого отгадчика-мужика, с одной стороны, демонстрирует утопические ожидания крестьян о социальной справедливости. С другой стороны, он может быть и отражением распространенной практики у помещиков по поддержанию среднего уровня достатка среди своих крестьян. Богатый был опасен своим влиянием в общине, а бедный не мог быть источником достаточной ренты для функционирования привычного образа жизни барина. Среднего уровня достатка помещик добивался путем различных ссуд и дарений крестьянам. В завершении рассматриваемой сказки барин: «... напоил вином мужика, награбил хлебом» (Афан., № 499), то есть награда здесь может являться метафорой традиционной ссу-

ды зерном или даже дарения бедным крестьянам. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести следующие примеры из хозяйственного патернализма курских помещиков: «Так, в 1819 году в имении помещика Бураго крестьянину села Ломакина Ивану Михееву на покупку лошади было подарено 20 рублей, «Прокофию Ларичеву подарено вместо украденной у него лошади ассигнациями 50 рублей», крестьянину деревни Буровки – 50 рублей, крестьянину из деревни Щетининой Алексею Шошву «подарено ассигнациями 50 рублей», а безлошадному крестьянину Илье Гусакову – 25 рублей» (Рянский и др., 2017, с. 134). Из этих фактов нетрудно заключить, что целью такой помощи было повышение тяглоспособности крестьян в интересах помещиков. Но для крестьян эта помощь была просто неоценимой.

Дворяне оказывали значительную помощь и в случаях стихийных бедствий. Так, в 1810 году в имении курского помещика Яцына для 7 крестьян-погорельцев было куплено 7 изб на сумму 350 рублей, а также леса для «обгородения» на такую же сумму (Рянский и др., 2017, с. 134). Вероятно, подобные барские «щедроты», которые реально поддерживали средний социальный уровень крепостных крестьян, должны были в той или иной форме отразиться в различных фольклорных жанрах, в частности, в бытовых сказках.

Близко к выше рассматриваемой сказке по смысловой сути в контексте помещичьего патернализма находится сказка «Как бедняк богатство нашел» (Кретов, 1977, с. 145–147). Данная сказка имеет относительно сложную символическую основу, в итоге показывая бар в качестве социального источника превращения крестьянина из пьяницы и никудышного хозяина в «домовитого» крестьянина. Сюжет сказки начинается с того, что два богатых помещика, проезжая мимо хаты крестьянина-бедняка, заспорили о том, что, если дать ему много денег, сумеет ли он далее разбогатеть или нет. Их мнение разошлись. Но один из них дал мужику «тыщу рублей». Мужик частично их пропил, часть спрятал, но потерял с «помощью» жены, которая о деньгах ничего не знала. Во второй раз баре, проезжая мимо этой же хаты увидели, что мужик живет еще беднее. И он опять получил «тыщу рублей». Результат тот же. В третий раз один из бар дал мужику вместо денег грузило, с помощью которого он поймал огромную рыбу и внутри её оказался большой кусок золота. Его купили у него проезжавшие мимо молодые барин с барыней. Теперь уже бедняк: «Начал потихоньку прикуплять то лошадку, то телочку, то жене шаль, то детям сапоги. Так и разбогатели. Избу справили, сарайчики пристроили.

Ехали мимо те два барина, увидели, что справное хозяйство стало у мужика, и говорит тот барин, что грузило кинул:

– Вот видишь, он с твоих денег разбеднел, а с моего грузила богатым стал! Никогда не знаешь, каким боком к тебе счастье повернется...» (Кретов, 1977, с. 146–147).

В сказке диалог ведут помещики, рассуждая о возможной судьбе бедного крестьянина. При этом экспериментируют с его возможностями выйти за рамки нищеты. Крестьянин же выступает объектом их социальных экспериментов. Данная сюжетная линия диссонирует с сюжетами других сказок о барине и мужике.

В начале сказки мужик предстает пьяницей и никчемным хозяином. Подобный взгляд был характерен для части интеллигенции как в дореформенный, так и в пореформенный периоды (Русские писатели, 2016, с. 10–11, 67, 95, 211). Но примечательно то, что и сам рассказчик не видит в этом ничего особенного. Помещики хотят помочь бедняку деньгами, но у них ничего не выходит. Даровые деньги не идут впрок. А вот богатство, заработанное своим трудом (выловленная рыба с золотом), изменило жизнь мужика. Но и деньги, и грузило бедняку давали баре. То есть они в любом случае выступают в качестве социального начала его обогащения и становления на путь крепкого хозяина. Рыба, вероятно, не случайно введена в сюжет сказки. Она может символизировать рождение новой жизни, получившей воплощение в христианской традиции, прежде всего в «рыбной» метафорике Христа (Гура, 1997, с. 748). То есть служит символом отказа от прежней разгульной и безхозяйственной жизни и перехода к новой жизни, с достатком и трезвым рассудком. Вероятно, христианский символизм здесь тесно переплетен с крестьянскими представлениями о решающей, не всегда отрицательной ролью помещиков в русской деревне.

Указание в сказке на проезжавших мимо бар, а не владельцев относительно бедного крестьянского подворья может подчеркивать, что сказка, скорее всего, была сочинена в пореформенный период в среде бывших крепостных крестьян. Можно допустить и создание сказки в государственной деревне как дореформенного, так и пореформенного периодов. Но это вряд ли, так как в этом случае вероятнее всего в сюжет сказки были введены чиновники, а не помещики. Данная сказка записана в Воронежской области в середине 60-х гг. XX века (Кретов, 1977, с. 4). Исходя из этого видно, что речь идет о Воронежской губернии – одной из типичных губерний Центрального Черноземья, региона с давними и глубоко укоренившимися крепостническими традициями. Тем не менее пореформенные баре в рассматриваемой сказке вызывают симпатии. Скорее всего, здесь в сказочной форме отражена одна из тенденций взаимовыгодного хозяйственного симбиоза помещиков и крестьян в условиях пореформенной межсословной эмансипации.

В рассматриваемом контексте отдельно стоит сказка «Алексей Ехмачинский», которая реально могла иметь исторический прототип и напоминает по своему содержанию легенду. На это указывает начало сказки: «За Волгой, лет шестьдесят назад или больше, разбойничал Алексей Ехмачинский. Он был дворовой человек и повинен был всего в двух душах: старика да старуху повесил; а то все грабил, обозы останавливал» (Бродский, 1911, с. 99).

Помещиков Алексей Ехмачинский грабил, убивал, требовал с них выкуп за сохранение им жизни и имущества. Помещики платили. Но проезжавшую через лес помещицу Агафью Ивановну он не тронул. «Агафью Ивановну, – говорит, – не трону, потому она ни в чем не отказывала мне и на меня зубов не точила... Попадись мне кто другой, – говорит, – я бы показал, а вы проезжайте с Богом» (Бродский, 1911, с. 99–100).

Смысл этой сказки-легенды состоит в том, что крестьяне за добро помещика платили добром.

Данная сказка-легенда была записана в г. Симбирске, скорее всего, исходя из хронологического указания в тексте, на рубеже XVIII–XIX веков и отражает события XVIII века. Документы этого времени свидетельствуют: «По реке Волге и в прилегающих уездах «чинятся разбой»..., в 1735 г. в Шацком уезде свирепствует шайка в 100 человек..., с 1744 г. в понизовых городах, на Оке до Казани, во многих местах не малые компании разбойников умножились» (Тальберг, 1880, с. 94–95). Реальные факты из жизни разбойников могли стать основой для рассмотренной сказки.

В среде дворовых, особо приближенных к барам, с большой долей вероятности была сочинена «Сказка про Ивана-управителя» (Русская бытовая сказка, 1987, с. 88–92). Здесь барин показан строгим, но справедливым и умеющим разбираться в сложных жизненных ситуациях. Отец-старик с согласия помещика передает управление имением сыну Ивану. При этом отец наказывает: «... своему помещику все делай хорошо. Один раз плохо сделаешь, и все пропадет, Ваня» (Русская бытовая сказка, 1987, с. 89).

В имении особой ценностью был голландский петух, которым по приездам любовался барин. Иван-управитель, подменив этого петуха аналогичным, хотел проверить лояльность к себе старосты и его жены, сказав, что он съел барского петуха. Староста сразу отправил соответствующее известие барину в Петербург. Барин приехал в имение с одним желанием расправиться с Иваном. Но когда вскрылся обман, он поблагодарил своего управителя и наказал старосту. Доброта и справедливость барина отражена в концовке сказки: «Прости, Иванушка! Никому верить не буду. Служи у меня. Я доволен твоим доходом.

Тогда барин приказал двадцать пять розог в задницу этому старосте. Не посылай телеграмм, сукин сын, не разузнавши, в чем дело!» (Русская бытовая сказка, 1987, с. 89). Из текста сказки видно, что барин был вспыльчив и крут на расправу, но сочинителям симпатизируют его умения разбираться в сложных житейских вопросах, признавать свои ошибки и принимать верные решения.

Небольшое число бытовых сказок, где барину симпатизируют, обусловлено реальной доминантой социального антагонизма в русской деревне дореформенного и пореформенного периодов. Добрые и справедливые помещики по наблюдениям современников

были «счастливым случаем» и «редким исключением». Тем не менее жизнь всегда сложнее и многограннее, и крестьяне симпатизировали отдельным помещикам, исходя из их определенных нравственных установок. В контексте рассмотренных сказок особые симпатии у крестьян в барине вызвали доброта, справедливость, умение разбираться в сложных житейских вопросах и готовность помочь в кризисных ситуациях. Естественно, все эти нравственные категории преломлялись через крестьянское восприятие вотчинной власти помещика и традиционализма жизнедеятельности в имении. При этом не акцентируется внимание на других чертах характера барина, которые могли и не импонировать крестьянам. Указанные симпатии к помещику подчеркивают основные нравственные категории бар, которые в крестьянской среде считались наиболее предпочтительными.

Список литературы

1. Аникин В.П. 2004. Русское устное народное творчество. М., Высшая школа, 735.
2. Гура А.В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. М., Индрик, 912.
3. Иллюстров И.И. 1904. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, Тип. С.В. Кульженко, 481.
4. К воле. Крепостное право в народной поэзии. 1911. Сост. Н.Л. Бродский. М., Польза, 191.
5. Костюхин Е.А. 2004. Лекции по русскому фольклору. М., Дрофа, 334.
6. Кошелев А.И. 2002. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. М., Наука, 475.
7. Кретов А.И. 1977. О современных записях воронежских народных сказках. Народные сказки Воронежской области. Современные записи. Под ред. А.И. Кретова. Воронеж, Воронежский университет: 3–14.
8. Ленин В.И. 1974. Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. М., Политическая литература, 741.
9. Молдавский Д.М. 1979. Введение. Русская сатирическая сказка. Сост. Д.М. Молдавский. Л., Художественная литература: 5–23.
10. Народные сказки Воронежской области. 1977. Под. ред. А.И. Кретова. Воронеж, Воронежский университет, 175.
11. Новик Е.С. 1993. Структура сказочного трюка. От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского: Сб. ст. Сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М., Российский государственный гуманитарный университет: 139–152.
12. Петерсон А. 1877. Черты старинного дворянского быта. Русский архив. 8: 479–482.
13. Полякова М.А., Савинова Е.Н. 2011. Русская провинциальная усадьба XVII – начала XX веков. М., Ломоносов, 262.
14. Пропп В.Я. 1976. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., Наука, 326.
15. Пропп В.Я. 2000. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа). М., Лабиринт, 416.
16. Пурлевский С.Д. 2006. Воспоминания крепостного. (1800–1868). Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. Сост. В.А. Кошелев. М., Новое литературное обозрение: 108–155.
17. Путилов В.Н. 2003. Фольклор и народная культура. СПб., Петербургское Востоковедение, 464.
18. Пушечников И.В. 1905. Заметки старожила Елецкого уезда. Русский архив. 4: 537–646.
19. Русская бытовая сказка. 1987. Сост. В.С. Бахтин. Л., Лениздат, 512.
20. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Под. ред. Д.А. Баранова, А.В. Коновалова. Т. 1. 2004. СПб., Деловая полиграфия, 568.
21. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Под. ред. Д.А. Баранова, А.В. Коновалова. Т. 2. Ч. 1. 2006. СПб., Навигатор, 608.
22. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Под. ред. Д.А. Баранова, А.В. Коновалова. Т. 2. Ч. 2. 2006. СПб., Навигатор, 552.
23. Русские писатели и публицисты о русском народе. 2015. Сост. Д. Соловьев. СПб., Лимбус Пресс, 384.
24. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. 2017. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, Курский государственный университет, 246.
25. Сборник пословиц, поговорок и проч. (Русско-народная философия). Сост. отшельник Мери-Хови. 1882. СПб., Губернская типография, 252.

26. Семенов С.Т. 1902. Из истории одной деревни. Записки волоколамского крестьянина. Русская мысль. Кн. I: 21–22.
27. Симпатия. Малый энциклопедический словарь. Брокгауз – Ефрон. 1909. Т. 2. СПб., Вып. 4: 1459.
28. Симпатия. Ожегов С.И. 1990. Словарь русского языка. М., Русский язык: 716.
29. Соколов Ю.М. 2007. Русский фольклор. М., Издательство Московского университета, 544.
30. Тальберг Д. 1880. Насильственное похищение имущества по русскому праву (Разбой и грабеж). СПб., Тип. В.С. Балашова, 202.
31. Травин Л.А. 2006. Божьим милосердием благодетельственного Леонтия Автономова сына Травина, уроженца из бедного состояния родителей, происшедшего в достоинство благородства, бывшие с 1741 г. в жизни его обстоятельства и приключения, для сведения и пользы собственнo потомкам его описанные им. Воспоминания русских крестьян XVII – первой половины XIX века. Сост. В.А. Кошелев. М., Новое литературное обозрение: 31–93.
32. Хрущева А.Г. 2006. Воспоминания. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. Сост. В.А. Кошелев. М., Новое литературное обозрение: 94–107.
33. Чичеров В.И. 1959. Русское народное творчество М., Издательство Московского университета, 522.

References

1. Anikin V.P. 2004. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo [Russian Verbal Folklore]. М., Vysshaya shkola, 735.
2. Chicherov V.I. 1959. Russkoe narodnoe tvorchestvo [Russian Folk Art]. М., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 522.
3. Gura A.V. 1997. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii [The Animalistic Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. М., Indrik, 912.
4. Illyustrov I.I. 1904. Sbornik rossiyskikh poslovits i pogovorok [Collection of Russian Proverbs and Sayings]. Kiev: Tip. S.V. Kul'zhenko, 481.
5. K vole. Krepostnoe pravo v narodnoy poezii [On the Freedom. The Serfdom in Folk Poetry]. 1911. Comp. by. N.L. Brodskiy. М., Pol'za, 191.
6. Khrushcheva A.G. 2006. Vospominaniya [Recollections]. Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka [Recollections of Russian Peasants in the 18th through the First Half of the 19th Century]. М., Novoe literaturnoe obozrenie: 94–107.
7. Kretov A.I. 1977. O sovremennykh zapisyakh voronezhskikh narodnykh skazok [On Modern Records of Voronezh Folk Tales], Narodnye skazki Voronezhskoy oblasti [Folk Tales of the Voronezh Region], A.I. Kretov (ed.). Voronezh, Voronezhskiy universitet: 3–14.
8. Koshelev A.I. 2002. Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody) [Notes by Aleksandr Ivanovich Koshelev of the Years 1812–1883]. S sem'yu prilozheniyami. М., Nauka, 475.
9. Kostyukhin E.A. 2004. Lektsii po russkomu fol'kloru [Lectures on Russian Folklore]. М., Drofa, 334.
10. Lenin V.I. 1974. Polnoe sobr. soch. [Full Collection of Works]. 5th edition. Vol. 36. М., Politicheskaya literatura, 741.
11. Moldavskiy D.M. 1979. Vvedenie [Introduction]. Russkaya satiricheskaya skazka [Russian Satirical Tale]. Comp. by D.M. Moldavskiy. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura: 5–23.
12. Narodnye skazki Voronezhskoy oblasti [Folk Tales of the Voronezh Region]. 1977. A.I. Kretov (ed.). Voronezh, Voronezhskiy universitet, 175.
13. Novik E.S. 1993. Struktura skazochnogo tryuka [A Structure of Fairy Trick]. Ot mifa k literature: Sbornik v chest' semidesyatyatiletniye Eleazara Moiseyevicha Meletinskogo [From Myth to Literature: A Collection of Works to Honor the 70th Anniversary of Eleazar Moiseyevich Meletinskiy, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik (comps). М., Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet: 139–152.
14. Peterson A. 1877. Cherty starinnogo dvoryanskogo byta. Russkiy arkhiv. 8: 479–482.
15. Polyakova M.A., Savinova E.N. 2011. Russkaya provintsial'naya usad'ba XVII – nachala XX vekov [Russian Provincial Estate in the 17th through the Early 20th Centuries]. М., Lomonosov, 262.
16. Propp V.Ya. 1976. Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannye stat'i [Folklore and Reality. Selected Works]. М., Nauka, 326.
17. Propp V.Ya. 2000. Russkaya skazka (Sobranie trudov V.Ya. Proppa) [A Russian Tale (A Collection of the V.Ya. Propp Works)]. М., Labirint, 416.

18. Purlevskiy S.D. 2006. Vospominaniya krepostnogo. (1800–1868) [Recollections of a Serf (1800–1868)]. Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka [Recollections of Russian Peasants in the 18th through the First Half of the 19th Cent.]. V.A. Koshelev (comp.). M., Novoye literaturnoye obozreniye: 108–155.
19. Pushechnikov I.V. 1905. Zametki starozhila Eletskego uezda [Notes of an Old-Timer of the Elets Uezd]. Russkiy akhiv. 4: 537–646.
20. Putilov B.N. 2003. Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and Vernacular Culture]. Saint Petersburg, Peterburzhskoe Vostokovedenie, 464.
21. Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrav. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the Knyaz' V.N. Tenishev «Ethnographic Bureau»]. D.A. Baranov, A.V. Konovalov (eds). Vol. 1. 2004. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya, 568.
22. Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrav. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the Knyaz' V.N. Tenishev «Ethnographic Bureau»]. D.A. Baranov, A.V. Konovalov (eds). Vol. 2. Part. 1. 2006. Saint Petersburg, Navigator, 608.
23. Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrav. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the Knyaz' V.N. Tenishev «Ethnographic Bureau»]. D.A. Baranov, A.V. Konovalov (eds). Vol. 2. Part. 2. 2006. Saint Petersburg: Navigator, 552.
24. Russkiye pisateli i publitsisty o russkom narode [Russian Writers and Publicists about the Russian People]. D. Solov'yev (comp.). 2015. Saint Petersburg: Limbus Press, 384.
25. Russkaya bytovaya skazka [Russian Vernacular Tale]. 1987. Comp. by V.S. Bakhtin. Leningrad, Lenizdat, 512.
26. Ryanskiy L.M., Ryanskiy R.L. 2017. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii pervoy poloviny XIX veka [Essays on the Socio-Economic History of the First Half of the 19th Cent.]. Kursk, Kurskiy gosudarstvennyy universitet, 246.
27. Sbornik poslovits, pogovorok i proch. (Russko-narodnaya filosofiya) [A Collection of Russian Proverbs, Sayings, etc. Russian Folk Philosophy]. Otshel'nik Meri-Khovi (comp.). 1882. Saint Petersburg, Gubernskaya tipografiya, 252.
28. Semenov S.T. 1902. Iz istorii odnoy derevni. Zapiski volokolamskogo krest'yanina [Of the History of One Village. Notes of a Volokolamsk Peasant]. Russkaya mysl'. I: 21–22.
29. Simpatiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar'. Brokgauz – Efron [Small encyclopedic dictionary. Brockhaus-Ephron]. 1909. T. 2. SPb., Vyp. 4: 1459.
30. Simpatiya. Ozhegov S.I. 1990. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. M., Russkiy yazyk: 716.
31. Sokolov Yu.M. 2007. Russkiy fol'klor [Russian Folklore]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 544.
32. Tal'berg D. 1880. Nasil'stvennoye pokhishcheniye i imushchestva po russkomu pravu (Razboy i gra-bezh) [Forcible Abduction and Property according to Russian Law (Brigandage and Robbery)]. Saint Petersburg, Tip. V.S. Balashova, 202.
33. Travin L.A. 2006. Bozh'im miloserdnyem oblagodetel'stvennogo Leontiya Avtonomova syna Travina, urozhentsa iz bednogo sostoyaniya roditeley, proisshezhshogo v dostoinstvo blagorodstva, byvshiy s 1741 g. v zhizni ego obstoyatel'stva i priklucheniya, dlya svedeniya i pol'zy sobstvenno potomkam ego opisannye im [By the Grace of God Leontiy Avtonomov, the Travin Son, Born in a Poor Family, Ennobled, Described the Circumstances and Adventures of His Life in the Year 1741 for the Record and Benefits of His Descendants]. Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka [Recollections of Russian Peasants in the 18th through the First Half of the 19th Cent.], V.A. Koshelev (comp.). M., Novoye literaturnoye obozreniye: 31–93.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Шаповалов В.А. 2019. Симпатии к барину в русских бытовых сказках. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 673–681. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-673-681

Schapovalov V.A. 2019. Sumpathy fo barin in russian household tales. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 673–681 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-673-681